

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.18-42



# Этическое регулирование – «мягкое» регулирование, «мягкая» сила

**Михаил Иванович Клеандров**

*Институт государства и права, Российской академия наук,  
Москва, Российская Федерация  
mklean@bk.ru*

## Аннотация

**Введение.** В статье рассматривается проблема соотношения права и этики в их нормативно закрепленных проявлениях. Обосновывается положение о том, что этическое регулирование гораздо шире правового, но всякое правовое регулирование в своей основе имеет этическое начало. То есть право – это минимум этики. В этом их сходство, как и в том, что как этическое, так и правовое регулирование (и ряд иных, например в богословской сфере) являются регулированием социальным.

**Методы.** Настоящее исследование базируется на использовании общеначального диалектического метода познания, что определило применение общефилософских (анализ, синтез, аналогия) и формально-логических методов. В свою очередь, специфика исследуемой в статье проблемы обусловила использование частнонаучных методов: историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального, системного анализа и толкования правовых норм и др.

**Результаты исследования.** Исследование позволило выявить и различие: выполнение правовых предписаний, соблюдение норм права обеспечиваются силой принуждения, за которой стоит государство, его соответствующие институты. Поэтому правовое регулирование есть жесткое регулирование, «грубая сила». А этическое регулирование, соблюдение норм этики обеспечивается убеждением, прежде всего самого индивидуума, «включенного» в соответствующий социум, где и формируются этические обязательства, со временем приобретающие нормативное содержание. Поэтому этическое регулирование есть мягкое регулирование, «мягкая сила».

В развитых социальных обществах, естественно и в российском тоже, «мягкое» регулирование, нормативно закрепленное, занимает доминирующее положение: оно более надежно, долговременно, более фундаментально определяет правила поведения субъектов своего воздействия и многократно меньше, чем правовое, подвержено коньюнктурным колебаниям.

Поэтому оно стремительно развивается и на международном уровне, и за рубежом, и в России, где за последние годы разработаны и приняты кодифициро-

ванные акты в сфере нормативного регулирования этических правил поведения: в системе органов исполнительной власти (включая правоохранительные органы), в страте людей свободных профессий, в предпринимательской сфере и т. д. Особое внимание в статье отведено этическому регулированию в сфере профессиональной, личной и иной жизнедеятельности судей.

**Обсуждение и заключение.** В статье обосновывается, что непременным атрибутом «мягкой силы», как и в сфере правового регулирования, является (должна являться!) ответственность за несоблюдение соответствующих нормативных предписаний. Но смешение юридической (дисциплинарной прежде всего) и этической ответственности недопустимо. Показаны примеры такого смешения по отношению к российским судьям, обусловленного действующим законодательством, имеющие негативные последствия соответствующего правоприменения.

**Ключевые слова:** социальное регулирование, правовое регулирование, этическое регулирование, право, нормативное регулирование, кодексы этики, судьи

**Для цитирования:** Клеандров М. И. Этическое регулирование – «мягкое» регулирование, «мягкая» сила // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 18–42. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.18-42.

#### Original article

## Ethical Regulation – “Soft” Regulation, “Soft” Power

**Mikhail I. Kleandrov**

*Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow,  
Russian Federation*

*For correspondence: mklean@bk.ru*

#### Abstract

*Introduction.* The article examines the problem of the relationship between law and ethics in their normative manifestations. The position is substantiated that ethical regulation is much broader than legal regulation, but any legal regulation is based on an ethical principle. That is, law is the minimum of ethics. This is their similarity, as well as the fact that both ethical and legal regulation (and a number of others, for example, in the theological sphere) are social regulation.

*Methods.* This research is based on the use of the general scientific dialectical method of cognition, which determined the use of general philosophical (analysis, synthesis, analogy) and formal logical methods. In turn, the specifics of the problem studied in the article determined the use of private scientific methods: historical-legal, comparative-legal, formal-legal, structural-functional, systemic analysis and interpretation of legal norms, etc.

*Results.* The implementation of legal regulations, compliance with the rules of law is ensured by the force of coercion, behind which stands the state and its relevant institutions. Therefore, legal regulation is strict regulation, “brute force”. And ethical regulation, compliance with ethical standards is ensured by conviction, first of all, on the part of the individual himself, “included” in the corresponding society, where ethical obligations are formed, which over time acquire normative content. Therefore, ethical regulation is soft regulation, “soft power”.

In developed social societies, naturally, and in Russia too, “soft” regulation, normatively enshrined, occupies a dominant position. The article notes that it is more reliable, long-lasting, more fundamentally determines the rules of behavior of the subjects of its influence and is much less subject to market fluctuations than the legal one.

Therefore, it is developing rapidly: both at the international level, and abroad, and in Russia, where in recent years codified acts have been developed and adopted in the field of normative regulation of ethical rules of behavior: in the system of executive authorities (including law enforcement agencies), in the stratum of free people professions, in the business sector, etc. Particular attention in the article is given to ethical regulation in the sphere of professional, personal and other life activities of judges.

*Discussion and Conclusion.* The article substantiates that an indispensable attribute of “soft power”, as in the field of legal regulation, is responsibility for non-compliance with relevant regulatory requirements. But at the same time, mixing legal (disciplinary, first of all) and ethical responsibility is unacceptable. Using the example of such confusion regarding Russian judges, due to current legislation, the article shows the negative consequences of the corresponding law enforcement.

**Keywords:** social regulation, legal regulation, ethical regulation, law, regulatory regulation, codes of ethics

**For citation:** Kleandrov, M. I., 2023. Ethical regulation – “soft” regulation, “soft” power. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 18–42. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.18-42.

## Введение

Этическое и правовое регулирование общественных отношений являются разновидностями социального регулирования. Будучи облеченым в нормативную основу, в последнее время – в форму этических кодексов, этическое регулирование не основано на принудительном обеспечении его исполнения и поэтому выступает регулированием мягким, «мягкой силой».

В настоящей статье основное внимание направлено на изучение эффективности этического регулирования в профессиональной среде различных общественных групп. В процессе исследования предполагается установление общих и особенных черт в правовом и этическом регулировании в сфере ответственности судей Российской Федерации. В центре внимания – обоснование необходимости разделения юридической (дисциплинарной) ответственности российских судей и их этической ответственности.

## Методы

Настоящее исследование базируется на использовании общенаучного диалектического метода познания, что определило применение общефилософских (анализ, синтез, аналогия) и формально-логических методов. В свою очередь, специфика исследуемой в статье проблемы обусловила использование частнонаучных методов: историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального, системного анализа и толкования правовых норм и др.

## Результаты исследования

Этическое регулирование социальных отношений в качестве «мягкой силы» представляется более долговременным, более надежным, фундаментально определяющим правила поведения субъектов своего воздействия. Оно отли-

чается от правового регулирования через кодифицированные и иные акты, предназначенные для отдельных – профессиональных и иных – групп людей, по форме, по содержанию и по своей внутренней идеологии. В значительной части базовое различие проявляется в институте ответственности за нарушение, неисполнение и т. п. этических предписаний. Зачастую же кодифицированные этические акты вообще никакой ответственности не предусматривают. В некоторых из них содержатся нормы, которые с огромной «натяжкой» можно квалифицировать как нормы об ответственности, при этом не установлен механизм действенного их применения. В третьей группе этих актов за нарушение, несоблюдение, ненадлежащее соблюдение норм этического кодекса предусмотрена не этическая, а дисциплинарная ответственность, т. е. юридическая ответственность. В четвертой группе (в статье этот вариант подробно рассмотрен на примере ответственности судей) за нарушение норм этики установлена дисциплинарная (юридическая) ответственность, но не этическим актом, а нормой закона. И так далее. В статье предлагаются устранение локальных недостатков в совокупном механизме этического регулирования, в том числе – в комплексе мер этической ответственности за нарушение этических предписаний, и упорядочивание массива норм, этически регулирующих поведение людей в социальной сфере.

В толковых словарях этика определяется как «1. Одна из форм идеологии – учение о морали (нравственности), ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе. 2. Совокупность норм поведения, морали какой-н. общественной группы, профессии. Партийная, врачебная э.»<sup>1</sup>.

В свою очередь, понятие «регулирование» в энциклопедической литературе определяется следующим образом: (лат. regulare от regula – линейка; правило, норма) – способ осуществления властных функций по нормированию и (или) управлению, состоящий в установлении требований, создании ограничений, определении мер ответственности с целью достижения позитивного или предотвращения негативного результата, а также создания условий для предпочтительного развития. Различают по сферам Р. (социальное, санитарное, техническое), обязывающей природе (правовое, договорное, моральное), субъектам Р. (гос.; негос. – общественное, индивидуальное; совместное), источнику Р. (внешнее, саморегулирование), происхождению Р. (первичное, делегированное), вариантам последовательности (нормативное, прецедентное), механизму установления (директивное, рыночное), предметам Р. (денежное обращение, иностранные инвестиции, ценообразование, оборот алкогольной продукции, менеджмент, труд и др.) и др.<sup>2</sup>

Философская же наука признает этикой «раздел философии, изучающий человеческое поведение и совместную жизнь людей в аспекте их обусловлен-

<sup>1</sup> См.: Ожегов С. П. Толковый словарь русского языка. Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений. 26-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. С. 731. Практически идентичное определение этики приведено в: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2007. С. 1129.

<sup>2</sup> См.: Новая Российская энциклопедия : в 18 т. Т. 14 (1) / редкол. В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов и др. М. : Энциклопедия : Инфра-М, 2015. С. 31.

ности законами свободы; наука о морали; как термин и особая систематизированная дисциплина восходит к Аристотелю<sup>3</sup>. При этом отмечается, что «существенным своеобразием Э. является ее нормативность. Отделяя Э. как практическую философию от теоретической философии (физики, математики, учения о первопричинах), Аристотель имел в виду, что ее основной задачей является формулирование ценностей, а не знаний. Она задает ценностную основу человеческой деятельности, определяя, на что эта деятельность в конечном счете направлена и в чем состоит ее совершенство. Э. изучают не для того, чтобы знать, что такое добродетель (мораль), а для того, чтобы стать добродетельным (моральным). Э. не только отражает свой предмет, она определяет, в определенной мере его формирует... Будучи нормативной, Э. остается сферой научного знания, она не просто прокламирует определенную нормативную программу, а обосновывает ее, апеллируя к разуму, к логической убедительности и опытной достоверности своих суждений и выводов...»<sup>4</sup>

Из изложенного однозначно следует, что этическое нормативное регулирование поведения людей имеет свой предмет, свою форму выражения. Это уже не сложившаяся совокупность обычаев, а систематизированный свод правил поведения в том или ином сегменте общества.

Правовое регулирование в энциклопедической литературе понимается как процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права)<sup>5</sup>; как воздействие норм права и других специально-юридических средств на поведение людей и на общественные отношения в целях их упорядочения и прогрессивного развития<sup>6</sup>. И оно тоже имеет свой предмет, свою форму выражения.

Общим же в этих двух видах регулирования является то, что и этическое, и правовое (в границах правовых дозволений) поведение человека приветствуется, а неэтическое и неправовое (нарушающее нормы этики и (или) права) осуждается.

Различным же является здесь то, что всякая развитая этическая система включает в себя более или менее детализированную программу поведения, которая, в свою очередь, имеет более-менее формализованную, а в последнее время – и более четкую нормативную определенность. Но эта нормативная определенность зиждется в первую голову не на нормах права, а на этике, ее формализованных и не оформленных нормах. Ибо Екатерина II в своем «Наказе» будущим законодателям предостерегала от попыток законами исправлять то, что коренился в нравах. Сегодня же еще более очевидно: занятие это – безнадежно.

Вместе с тем можно быть уверенным в том, что этическое регулирование в целом многократно шире правового регулирования, а само право есть минимум этики, и представить себе любое правонарушение, нарушение норм любой отрасли права, при котором не были бы нарушены нормы

<sup>3</sup> См.: Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. М. : Инфра-М, 2005. С. 708–709.

<sup>4</sup> Там же. С. 710–711.

<sup>5</sup> См.: Российская юридическая энциклопедия. М. : Инфра-М, 1999. С. 759.

<sup>6</sup> См.: Большая юридическая энциклопедия. М. : ЭКСМО, 2005. С. 457.

этики (в равной мере – морали и нравственности), невозможно в принципе. По всей видимости, еще и потому, что сами этические нормы по своей природе шире и глубже, чем любые формы их официализации, а сама этика несравненно ближе к такой нравственной категории (прямо-таки базируется на ней), как совесть, которая является, по образному выражению польского ученого К. Piasecku, «потайной конституцией сердца» [Цит. по: Пастернак, С. Н., 2006].

Вообще же, как отмечается в юридической литературе, для регулирования общественных отношений используется огромный комплекс норм: правовых, моральных, корпоративных, этических, эстетических, религиозных, социотехнических и других. Действуя во взаимосвязи, переплетаясь и взаимодополняя друг друга, они образуют сложный механизм социального регулирования [Мазуренко, А. П., 2010].

*В последнее время «мягкое» регулирование занимает новые ниши. Например, в России на сегодняшний день отсутствует четкое законодательное регулирование рынка криптовалют. Государство пока не определилось, как относиться к этому рынку. В СМИ еще в 2017 г. предлагалось: «Регулирование рынка криптовалют необходимо, но оно должно быть постепенным и мягким, чтобы не задушить эту сферу»<sup>7</sup>.*

А особенность регулирования отношений в виртуальном пространстве интернета, по мнению А. П. Мазуренко, в том, что социальное регулирование в этой среде является не чисто правовым, нормативным: оно использует как корпоративные (нормы морали, этики и др.), так и ненормативные регуляторы (ценностный, директивный, информационный, технический) [Мазуренко, А. П., 2010].

Но во всем комплексе социального регулирования общественных отношений доминирующее положение занимают этическое и правовое – в их нормативном закреплении и применении. В то же время отдельные этические категории в литературе признаются не имеющими нормативного урегулирования. Так, указывается, что понятие «гражданский долг» в большинстве случаев рассматривается как морально-этическая категория, которая не имеет нормативного регулирования и предполагает ее реализацию с позиции внутреннего убеждения [Григорьева, Е. А., Злобина, Е. А., 2011].

Вместе с тем невозможно противопоставить этическое и правовое регулирование, даже если этическое оформлено в определенной (пусть и основной) части нормативно: у обоих этих видов регулирования общие корни, оба они являются регулированием социальным. Отмечая, что социальное регулирование посредством моральных дозволений и запретов, правовых дозволений и запретов опирается на различные варианты мотивационных процессов, непременным элементом которых является моральное обязательство, иначе говоря, нравственный долг человека действовать или не действовать определенным образом, Г. В. Мальцев указывал: «Индивид берет на себя это обязательство сознательно, непринужденно и добровольно; никто и никогда не заставит его испытывать нравственный долг по отно-

<sup>7</sup> Российская газета. 2017. 21 сент.

шению к кому-либо или чему-либо, если сам он для себя не поставит его в качестве “внутреннего закона”. Согласно чистой этике, например, кантовской, нравственный долг есть высшее проявление морального обязательства, при котором субъект сам над собой повелевает, сам себя принуждает к известному поведению, потому и только потому, что оно нравственно. Моральные и правовые требования предъявляются человеку на условиях его нравственной автономии, с учетом способности человека брать на себя моральные обязательства и выполнять их, даже вопреки своим интересам, выгодам, желаниям» [Мальцев, Г. В., 2008, с. 289–290].

Нет сомнений и в том, что законодательный, да и, пожалуй, весь нормотворческий процесс базируется в той или иной степени на этическом регулировании, как и практическое правоприменение. Так, в юридической литературе отмечается, что в качестве основных нравственных средств достижения определенности правоприменительного усмотрения выступают в первую очередь такие категории нравственности, как разумность, справедливость, добросовестность и др. [Власенко, Н. А., 2015, с. 82].

Но и отождествлять этическое и правовое регулирование не следует. Указывая, что синтезированное правопонимание, к которому в литературе иногда относят и неправовые явления, включая моральные нормы, является по меньшей мере дискуссионным, В. В. Ершов считает, что эти социальные явления, регулирующие неправовые общественные отношения, более точно признать видами «неправа» [Ершов, В. В., 2015]. И это верно, хотя даже при наличии предложенных автором критериев разграничения «права» и «неправа» эти два вида социального регулирования далеко не всегда легко разграничить. Особенно когда нормами права, в классическом понимании права, закрепляются (формализуются) нормы «неправа», в частности – этики, а выполнение (соблюдение) норм этики обеспечивается классическими нормами права в виде государственного принуждения. Такая «диффузионность» двух в общем-то разных видов социального регулирования непозволительна, укреплению правопорядка и нравственно-этических критериев в правовом государстве и повышению авторитета власти в общественном сознании не способствует.

И это – несмотря на высказанное в литературе мнение о том, что в отдельных случаях существует комплексная юридическая и этическая природа конфликта интересов, который может быть связан с пересечением самых различных интересов [Глазырин, Т. С., и др., 2016]. По мнению этих авторов, этическое регулирование – «мягкое» регулирование. И уж когда оно оказывается неэффективным (а его эффективность для различных социальных групп, без сомнения, сильно различается), тогда должно вступать в действие более «жесткое» регулирование – правовое.

Но если это «мягкое» регулирование в качестве «мягкой силы» достаточно, зачем «подключать» «жесткую силу»? Очевидно ведь, что, будучи по своей природе «мягкой силой», этическое регулирование всех сфер жизнедеятельности в обществе должно – и так наверняка будет в более-менее обозримом будущем – занять доминирующее положение во всей палитре форм, методов и способов регулирования поведения людей. И обеспечиваться оно должно, при необходимости, ответственностью «мягкой силы», не юридической.

*Сила права* в правовом государстве – это сила «жесткая», сила конкретная (жестко закрепленная в качестве конкретных правовых предписаний – законов и иных нормативных правовых актов), обеспечиваемая государственным принуждением.

*Сила этики* в правовом государстве – это сила «мягкая», закрепленная в обычаях, моральных установках, нравственных ценностях и ориентирах и т. п., обеспечиваемая общественным мнением, причем не всегда общенародным, а чаще локальным, узокорпоративным, узкогеографическим, узкоконфессиональным...

Норму права легко изменить, причем по времени – быстро. Норму этики изменить чрезвычайно сложно, если это делать с целью достижения подлинного результата: ведь это изменение должно затронуть, как минимум, общественное мнение, а как максимум – миропонимание общества, поэтому данный процесс занимает десятилетия. И именно поэтому очевидно: этическое регулирование социальных отношений в качестве «мягкой силы» более надежно, долговременно, гарантированно, можно сказать – более фундаментально определяет правила поведения субъектов своего воздействия. И во много раз меньше, чем правовое регулирование, подвержено конъюнктурным колебаниям, попыткам внешнего – субъективного – воздействия. Как ни странно, при сравнении с правом размытость, неопределенность этических норм являются в ряде случаев благом, поскольку позволяют каждому субъекту этического регулирования в этических нормах видеть (и подвергаться воздействию) то, что он хочет видеть, – в разумных пределах, естественно.

Разумеется, этим не исключается необходимость критического подхода к регулированию «мягкой силой». Ведь «мягкая сила» многократно по своему объему больше не столь уж малого правового регулирования, т. е. «жесткой силы». Само этическое знание далеко от систематизации<sup>8</sup>; образно выражаясь, этика умеет много гитик, и не все они приемлемы для юриста, во всяком случае – в сфере практического правоприменения. Например, как отмечается в литературе, для этики ненасилия даже силовая защита другого человека от чьих-либо агрессивных действий выступает как морально недопустимое деяние; правда, в своей оценке этой ситуации этика ненасилия остается в абсолютном меньшинстве среди других рефлексивных этических позиций [Прокофьев, А. В., 2009, с. 125]. Да и практическая этика, например внедренная премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю, основанная в том числе на телесных наказаниях провинившихся, хотя и привела к созданию образцового государства с минимальной коррупцией и почти стерильной чистотой на улицах, далека – в нашем восприятии – от идеала.

Следует добавить, что этический компонент присутствует не только в сфере социального и иного регулирования поведения людей. Он имеет место в сфере определенного вида политики – анткоррупционной, к примеру. Либо при проведении этической экспертизы, например: качества оказанной медицинской помощи; конкретной научно-исследовательской работы; качества конкретных законопроектов; оказанных услуг – в различных сферах и т. д.

<sup>8</sup> См. подробнее: [Апресян, Р. Г., Артемьева, О. В., Максимов, Л. В., 1997].

Следует обратить внимание и на то, что этическое регулирование, особенно в локально-корпоративных формах, в последнее время в России (да и в зарубежных государствах и даже на международном уровне) приобретает все более широкое распространение, что подтверждает сказанное выше о роли «мягкой силы» в регулировании социальных отношений. Но при этом какое-либо корпоративно-этическое (отличное от государственного), пусть и нормативное, регулирование обеспечения принуждением соблюдения этических норм либо отсутствует совсем, либо налицаует в крайне незначительной мере, совершенно несопоставимой с государственным принуждением к соблюдению правовых предписаний, обеспеченным соответствующей правовой ответственностью индивида за несоблюдение и даже за ненадлежащее соблюдение, а подчас – и за лишь некоторое отступление от этих правовых предписаний. Все это полностью относится к судейской этике, к механизму ответственности судей.

Вообще всякое предписание – как правовое, так и этическое, – закрепленное нормативно, в определенной мере предполагает в качестве звена механизма, обеспечивающего его соблюдение, ответственность за несоблюдение (неисполнение) либо ненадлежащее соблюдение (ненадлежащее исполнение) этого предписания.

Удивительно, но очень обширная, со времен древнегреческих мыслителей, т. е. уже две с половиной тысячи лет, литература, посвященная проблемам этики, ответа на прагматичный вопрос о формах, видах и механизме моральной (и этической) ответственности по существу не дает. Таких ответов мало и в современной литературе. Например, по последним исследованиям: моральная ответственность нарушителей – общественное осуждение, прекращение контактов других членов общества с нарушителем этих норм [Кучерена, А. Г., ред., 2009]; моральная ответственность выражается в осознании личностью и реальном выполнении ею требований моральных норм, осознании наступления морального осуждения в случае игнорирования этических требований [Витрук, Н. В., 2009]; предметом отношений в морально-этической ответственности могут быть забвение, отклонение, игнорирование, нарушение признаваемых и поддерживаемых некоторыми людьми правил, норм поведения, противоречащих утвержденным в обществе нормам ответственности [Крылова, Е. Г., 2007] и т. д.

Вообще же, как известно, ответственность имеет социальную природу, предопределенную характером общественных отношений. То есть можно говорить о социальной ответственности, дифференцируемой, в зависимости от регулирования социальных отношений, как «жесткая» или «мягкая» сила. Как утверждается в юридической литературе, субъект любого общественного отношения всегда должен иметь возможность выбора варианта своего поведения, в противном случае исключается возможность привлечения его к ответственности за отклонения от требований данных предписаний [Гончаров, В. В., 2010].

Определить понятие «социальная ответственность» исчерпывающим образом посредством одной дифференциации сложно и вряд ли возможно. Е. В. Назарова тем не менее указывает: одни авторы видят суть юридической ответственности в том, что ее объектом выступает правовой статус

личности (признание и следование нормам права), в то время как объектом моральной ответственности является нравственный долг. Из нравственных норм выводится нравственный долг, из юридических – обусловленные друг другом право и обязанность<sup>9</sup>. Трактуют ее и как применение к виновному лицу мер государственного принуждения за совершенное правонарушение (применение мер уголовного наказания за совершенное преступление, назначение штрафа за совершенный административный проступок)<sup>10</sup>.

В актах этического (нормативного) регулирования поведения тех или иных категорий работников в России нередко содержатся отдельные главы, именуемые «Ответственность за нарушение положений Кодекса», состоящие из единственного, обычно включающего две части пункта, где предусмотрена единственная мера ответственности «провинившегося» – моральное осуждение, налагаемая вариативно руководителем структурного подразделения либо комиссией по соблюдению требований к служебному поведению служащих и урегулированию конфликта интересов.

Например, в системе органов власти России такого рода разработанное на основе Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренного решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.<sup>11</sup> (протокол № 21), этическое регулирование закреплено в: Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Федеральной налоговой службы<sup>12</sup>, утвержденном приказом ФНС России от 11 апреля 2011 г. № ММВ-7-4/260@; Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, утвержденном приказом Ространснадзора от 11 февраля 2011 г. № АК-100fc; Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Федерального космического агентства<sup>13</sup>, утвержденном руководителем Роскосмоса 14 февраля 2011 г. (б/н); Кодексе этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства промышленности и торговли Российской Федерации<sup>14</sup>, утвержденном ВРИО министра 22 февраля 2011 г. (б/н), и т. д.

Осуществляется нормативное регулирование в системе исполнительной власти не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Например, в Новосибирской области действует Кодекс этики служебного поведения государственных гражданских служащих Новосибирской области, утвержденный постановлением губернатора Новосибирской области от

<sup>9</sup> См.: [Назарова, Е. В., 2008] (со ссылкой на раб.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 51–62).

<sup>10</sup> См.: [Назарова, Е. В., 2008] (со ссылкой на раб.: Алексеев С. С. Право – азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999).

<sup>11</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>12</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>13</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>14</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

13 мая 2011 г. № 119<sup>15</sup>, – с тем же по содержанию звеном этической ответственности.

Правда, в Этическом кодексе государственных гражданских служащих Федеральной антимонопольной службы<sup>16</sup>, утвержденном приказом ФАС России от 25 февраля 2011 г. № 139, в ст. 10 «Ответственность за нарушение Кодекса» не названа эта мера этической ответственности, зато содержится предупреждение (в п. 1 ст. 10): «Государственный служащий, принимающий на себя обязанности по соблюдению Кодекса, должен осознавать, что его систематическое нарушение не может быть совместимо с его службой в ФАС России», что можно расценить равнозначно – и как меру этической, и как меру (превентивную) дисциплинарной ответственности.

Немало в нашей стране есть и формализованных (нормативно закрепленных) актов, посвященных профессиональной этике тех или иных групп людей<sup>17</sup>. Это этические кодексы сотрудников правоохранительных органов: Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации<sup>18</sup>, утвержденный приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138; Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации<sup>19</sup>, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры от 17 марта 2010 г. № 114 (симптоматично, что этим же приказом, в качестве приложения № 2 к нему, утверждена Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации); Кодекс этики и служебного проведения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы судебных приставов<sup>20</sup>, утвержденный приказом ФССП России от 12 апреля 2011 г. № 124<sup>21</sup>. Это и этические кодексы профессиоников, которых условно можно отнести к людям свободных профессий, например Кодекс профессиональной этики российского журналиста (одобрен Конгрессом журналистов России 23 мая 1994 г.), и т. д.

Это и этические кодексы поведения людей, которых можно отнести к работникам в сфере предпринимательства: Кодекс этики профессиональных бухгалтеров – членов ИПБ (Института профессиональных бухгалтеров) России (утвержден решением Президентского совета Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, протокол № 09/07 от 26 сентября 2007 г.) (есть этические стандарты специалистов этой профессии и на международном уровне) [Гурова, И. П., Махонько, О. П., 2004]; Кодекс этики аудиторов России<sup>22</sup> (одобрен Минфином России 31 мая 2007 г., протокол № 56); Кодекс (Свод правил) корпоративного поведения<sup>23</sup> (утвержен и рекомендован ак-

<sup>15</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>16</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>17</sup> Обоснование их целесообразности см.: [Коновалов, В., 2006].

<sup>18</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>19</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>20</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>21</sup> См. подробнее: [Бакурова, Н. Н., 2015].

<sup>22</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>23</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ционерным обществам, созданным на территории Российской Федерации, распоряжением Федеральной Комиссии по рынку ценных бумаг от 4 апреля 2002 г. № 421/р); и даже Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании<sup>24</sup>, принятый на итоговом Пленарном заседании VIII Всемирного Русского народного собора 4 февраля 2004 г. и предложенный для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченым в хозяйствование<sup>25</sup>.

Это и Кодекс этики членов Общественной палаты России, принятый на втором пленарном заседании Палаты 14 апреля 2006 г. (в числе мер ответственности за нарушение которого значатся: предупреждение; лишение права выступления на текущем пленарном заседании (в течение всего дня голосования); прекращение полномочий [Грудцын, Л. Ю., 2007]. В литературе отмечается, что на повестку дня все более настойчиво встает необходимость разработки и принятия специального кодекса депутатской этики [Окулич, И. П., 2010]. Поставлена даже проблема моральной (?) ответственности компьютерных систем [Лопатина, Т. М., 2005].

Не менее широко развито нормативное регулирование этических отношений и за рубежом. Здесь следует отметить, например, канадский Кодекс ценностей и этических принципов сотрудников государственной службы; Кодекс этики поведения предполагаемой работы государственных служащих Федеральной Республики Нигерия от 25 октября 2014 г.; Правила по сохранению честной политической деятельности руководителей – членов Компартии Китая, содержащие 52 табу, в том числе запрет устраивать родственникам пышные похороны, запрет «бросать вызов семейной морали», запрет играть в гольф, предаваться чревоугодию, изменять женам, иметь «второстепенных жен» – любовниц<sup>26</sup>; Нормы научной этики, принятые Сенатом Общества Макса Планка (ФРГ) 24 ноября 2000 г. и содержащие (закрепляющие) в том числе меры этической ответственности, присущие исключительно научной среде: лишение докторской степени; лишение права преподавания – как последняя для академической карьеры; отзыв научных публикаций, информации, предназначенной для публики, печати, и пр. Ряд зарубежных актов в этой сфере рассмотрен в отечественной литературе [Оболожский, А. Н., 2007; Ирхин, Ю. В., 2011].

Для любого государства в числе государственных устоев значимое место занимают правоохранительные и правозащитные органы. Где, естественно, помимо жесткого правового регулирования действует и «мягкая сила». Не является исключением и Российская Федерация.

*В отношении работников органов прокуратуры действуют:*

*а) Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта*

<sup>24</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>25</sup> Официальный сайт Московского Патриарха. URL: <http://www.mospat.ru/archive/church-and-society/30427>.

<sup>26</sup> Российская газета. 2015. 23 окт.

2010 г. № 114. Важным здесь является то обстоятельство, что в его п. 5 «Ответственность прокурорского работника за нарушение требований настоящего Кодекса устанавливается (подп. 5.1): за нарушение положений настоящего Кодекса руководителем органа прокуратуры лично или при необходимости в присутствии трудового коллектива к прокурорскому работнику могут быть применены следующие меры воздействия: устное замечание; предупреждение о недопустимости неэтичного поведения; требование о публичном извинении. А подпункт 5.2 того же пункта предусматривает: нарушение прокурорским работником норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности. Важно здесь, что (а это – редкий случай в практике кодифицированного этического регулирования) установлена реальная, отделенная от дисциплинарной, этическая ответственность, причем дифференцированная в зависимости (что подразумевается) от степени тяжести этического проступка;

б) Кодекс этики служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры Российской Федерации (это уже другая категория работников органов прокуратуры), утвержденный приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25 марта 2011 г. № 79, установил (п. 27): «За нарушение положений Кодекса к гражданскому служащему могут быть применены меры морального воздействия в виде устного замечания, предупреждения о недопустимости неэтичного поведения, требования о публичном извинении и другие, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, – меры юридической ответственности». Незакрытость перечня видов этической ответственности подтверждает, даже на примере этого акта «мягкого» регулирования, необходимость разработки очень широкой гаммы видов такой ответственности, по возможности адекватной широчайшему – в реальной жизни – спектру этических нарушений.

В иной правовой сфере – нотариальной – действует принятый 19 ноября 2015 г. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации<sup>27</sup>, вступивший в силу с 1 января 2016 г. В СМИ в качестве достоинства этого Кодекса называется то, что если раньше нотариальным палатам для того, чтобы наказать нарушителей, зачастую приходилось обращаться в суд, то теперь Кодекс прописывает и нарушения, и процедуру привлечения нотариусов к дисциплинарной ответственности<sup>28</sup>. Причем это делается в жесткой императивной форме: дисциплинарная ответственность нотариусов наступает именно и только «за виновное совершение дисциплинарного проступка, предусмотренного настоящим Кодексом» (п. 9.1 Кодекса). Кодекс этики перечисляет 33 вида дисциплинарных проступков нотариусов (подп. 9.2.1–9.2.33); сам механизм дисциплинарной ответственности весьма детально закреплен в трех главах Кодекса (9–11). Показательно, что Кодексом (в 12-й главе) предусмотрены меры поощрения нотариуса (их 8). Но какие-либо меры именно этической ответственности нотариуса за невыполнение или ненадлежащее выполнение положений Кодекса профессиональной этики этот Кодекс не предусматривает. Таким образом, по факту этическим Кодексом для нотариусов отождествлена дисциплинарная и этическая ответственность. Нотариусов же в России немало – более 8 тыс.

<sup>27</sup> URL: <http://нотариат.рф/>.

<sup>28</sup> Российская газета. Столичный выпуск. 2015. 19 нояб.

В отношении адвокатов действует Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 апреля 2015 г.). Этот Кодекс также не содержит специальных норм об этической ответственности и прямо, в п. 1 ст. 18, указывает: нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса (!), совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной (!) ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом. При этом п. 3 ст. 18 содержит интересную и важную оговорку: адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета (соответствующей адвокатской палаты субъекта Российской Федерации) относительно применения положений настоящего Кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Сами же меры дисциплинарной ответственности – в силу п. 4 этой статьи – применяются только в рамках дисциплинарного производства, которому посвящен весь второй раздел (вторая половина Кодекса), именуемый «Процедурные основы дисциплинарного производства» (ст. 19–26, каждая из которых содержит несколько, до 8 пунктов). Можно даже предположить, что это не Этический, а Дисциплинарный кодекс. А «Разъяснения» некоторых региональных адвокатских палат по поводу применения отдельных положений Кодекса профессиональной этики адвоката иногда весьма неоднозначны.

*Например, Совет Адвокатской палаты Республики Адыгея в Разъяснениях применения п. 4 ст. 15 названного Кодекса указал, что адвокат обязан уведомить Совет Палаты о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката, и если адвокат принимает поручение на представление доверителя в споре с другим адвокатом, он должен сообщить об этом коллеге и при соблюдении интересов доверителя предложить окончить спор миром. Соглашаясь с разъяснением первого положения, представитель адвокатского сообщества (из другого региона<sup>29</sup>) категорически не согласился со вторым: «Это не может быть вменено в обязанности адвоката, так как при подаче искового заявления суд уведомляет о подаче искового заявления в суд, а при возбуждении уголовного дела уведомляет орган следствия. Поэтому упреждающие действия адвоката по уведомлению процессуального противника я считаю неверными, а порой и вредными, которые могут быть расценены как воспрепятствование следствию»<sup>30</sup>.*

Такое разноречивое толкование федерального корпоративного акта означает, что при отсутствии механизма этической ответственности адвокатов в одних субъектах Российской Федерации обозначенные действия адвоката будут приветствоваться, а в других – караться юридически, в дисциплинарном порядке<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Марк Барах-Чайка (адвокат, председатель Коллегии адвокатов «Чайка и Коллеги», член Палаты адвокатов Нижегородской области, г. Нижний Новгород).

<sup>30</sup> ЭЖ-Юрист. 2015. № 47.

<sup>31</sup> Отдельные проблемы в этой сфере находятся в поле зрения Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам. Например, в Разъяснении Ко-

Еще более сложным является положение с нормативным регулированием этического поведения в системе органов судебной власти, а ведь для любого государства все, что касается судебной власти, чрезвычайно важно. При этом необходимо отметить, что в современной специальной научной литературе иногда просматривается размежевание понятий «судебная этика» и «судейская этика». Есть работы и по «судебной этике» [Закомлистов, А. Ф., 2009; Коновалов, А., 2009; Яковенко, В., 2008; Горский, Г. Ф., Кокорев, Л. Д., Котов, Д. П., 1973], и по «судейской этике» [Пашин, С. А., 2001; Вель, Г. де, и др., 2002; Иванцов, М., 2008]. Тем не менее это различные понятия, и представляется необходимым провести их дифференциацию. Судебная этика – понятие, ограниченное непосредственной профессиональной деятельностью судьи по осуществлению правосудия. Так, А. С. Капто считает, что судебная этика – «наука о применении норм морали, нравственности в специфических условиях расследования и разрешения уголовных дел» [Капто, А. С., 2007, с. 29]. Я. А. Ключникова, считая, что не вполне справедливо ограничивать предмет судебной этики исключительно рамками уголовного прогресса, под судебной этикой предлагаёт понимать «совокупность правил поведения и других профессиональных участников уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, обеспечивающих нравственный характер их профессиональной деятельности и внеслужебного поведения, а также научную дисциплину, изучающую специфику проявления требований морали в этой области» [Ключникова, Я. А., 2008, с. 140]. Здесь вызывает сомнение обоснованность включения в понятие судебной этики других, помимо судей, профессиональных участников процесса; но следует обратить внимание на распространение понятия судебной этики и на внеслужебное поведение. В свое время еще А. Ф. Кони ограничивал это понятие именно профессиональной деятельностью судей, он судебную этику рассматривал как учение о приложении общих понятий о нравственности к той или иной отрасли специальной судебной деятельности [Кони, А. Ф., 2008, с. 20]. Впрочем, иногда судейскую этику отождествляют с судебной деонтологией [Морхат, П. М., 2007].

В судебной системе России вопросы этики, но не судей, а государственных служащих судебных органов закреплены, в частности, в следующих актах:

– в Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих аппарата Конституционного Суда Российской Федерации<sup>32</sup>, утвержденном приказом Председателя Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2011 г. № 12, который, в частности, содержит главу III «Ответственность за нарушение положений Кодекса», в соответствии с которой это нарушение «подлежит моральному осуждению на заседании комиссии

---

миссии (утвержденном Советом ФПА РФ, протокол № 3 от 28 января 2016 г.) по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката отмечено, что наличие признаков уголовно-правового деяния или административного правонарушения в поведении адвоката, установленного компетентными органами, само по себе не является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства.

<sup>32</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих аппарата Конституционного Суда Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов...». Об ответственности там всего лишь сказано: «Соблюдение государственным служащим положений Кодекса учитывается при проведении аттестаций, а также при наложении дисциплинарных взысканий»;

– в Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Ленинградской области и аппаратов мировых судей Ленинградской области<sup>33</sup>, утвержденном постановлением Правительства (почему Правительство области – исполнительная власть – нормативно регулирует отношения в механизме власти судебной, вопрос вполне правомерный. Статья 10 Конституции Российской Федерации эти органы власти однозначно разделяет) Ленинградской области от 24 февраля 2011 г. № 29, где об этической ответственности вообще ничего не сказано, и т. д.

Но в сфере судебной власти вопросы этического регулирования «мягкой силой» с наибольшей глубиной (и, соответственно, с такой же проблемностью) сконцентрированы в Кодексе судейской этики. Здесь острота проблемы заключается в том, что этическое регулирование поведения (да и всей жизнедеятельности) судей является несравненно более пластичным, более размытым нормативно и менее определенным, чем правовое.

По всей видимости, именно поэтому за короткое время – в течение постсоветского исторического периода – этическое поведение судей сегодня регулируется уже третьим по счету кодексом. Первым был Кодекс чести судьи<sup>34</sup>, утвержденный постановлением Совета судей Российской Федерации от 21 октября 1993 г. (не Всероссийским съездом судей, т. е. не высшим органом судейского сообщества страны). Этот Кодекс В. Н. Ткачев метко охарактеризовал так: если Закон о статусе судей определил правовой статус российских судей, то Кодекс чести определил их нравственный статус [Ткачев, В. Н., 2003]. Вторым по счету был Кодекс судейской этики, утвержденный VI Всероссийский съездом судей 2 декабря 2004 г. В нем глава 4 «Ответственность судьи за нарушение требований настоящего Кодекса» состояла только из ст. II «Дисциплинарная ответственность судей», текстуально воспроизведившей ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»<sup>35</sup> (далее – Закон о статусе судей), т. е. этим Кодексом этическая ответственность отождествлялась с дисциплинарной. Третьим по счету стал действующий Кодекс судейской этики, утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. В него из-за неопределенности отдельных положений и жесткости отдельных формулировок IX Всероссийским съездом судей 8 декабря 2016 г. были внесены отдельные изменения, а три пункта ст. 9 были исключены. Вопрос же об этической ответственности судей этим Кодексом вообще не затрагивается.

<sup>33</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>34</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>35</sup> Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Съезда Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

Зато он затрагивается, точнее – в императивной форме регулируется ч. 1 ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» (в редакции от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ) Закона о статусе судей: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внесудебной деятельности, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судебской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: 1) замечания; 2) предупреждения; 3) понижения в квалификационном классе; 4) досрочного прекращения полномочий судьи».

А это означает, что с 2013 г. само по себе нарушение лишь положений (даже одного положения) Кодекса судебской этики, без связи с нарушением нормы Закона о статусе судей, является законченным дисциплинарным проступком (при наличии иных названных в Законе квалифицирующих признаков). То есть с 2013 г. за нарушение этической нормы может наступить дисциплинарное наказание судьи вплоть до досрочного прекращения его полномочий. Однако всякое правонарушение, т. е. нарушение правовой нормы, есть одновременно нарушение этической нормы. Но отнюдь не всякое нарушение этической нормы есть правонарушение, прежде всего – нарушение нормы закона. Нарушение правовой нормы влечет юридическую ответственность; это действие «жесткой силы», и здесь не исключено действие этики «мягкой силы».

Нарушение же этической нормы должно влечь лишь этическую ответственность, применение «мягкой силы». А применение «жесткой силы» за нарушение нормы этики недопустимо в принципе. На это в столь же императивной форме указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 февраля 2008 г. № 3-П: «Между тем корпоративные акты судебского сообщества, каковыми являются названные кодексы (речь там шла о Кодексе чести судьи 1994 г. и Кодексе судебской этики 2004 г. – М. К.), формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного толкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Федеральным законом “О статусе судей в Российской Федерации”. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом (! – М. К.) рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи»<sup>36</sup>.

Таким образом, Конституционный Суд исключил из формулы дисциплинарного проступка судьи все относящееся к этическому проступку, к этическому регулированию, к «мягкой» силе. За исключением того сегмента, который, оставаясь формально этическим проступком, одновременно является проступком дисциплинарным (равно в случае, когда этический про-

<sup>36</sup> См.: Сборник актов о суде и статусе судей Российской Федерации. Вып. 51 : в 3 кн. М. : ТПК «Центробланк», 2012. Кн. 3. С. 28.

ступок в то же время – преступление, караемое уже уголовной ответственностью). Вообще же нормы об ответственности должны содержать формулу право- или нормонарушения, за которое и должна наступить эта ответственность. И эта формула должна охватывать понятие нарушения, а не должна быть отсылочной, как случилось со ст. 12.1 Закона Российской Федерации о статусе судей.

Например, в части III Закона Республики Словения «О судьях и высших судьях» в перечне дисциплинарных правонарушений судьи названо «...поведение, которое вызывает разумное сомнение относительно независимости и беспристрастности судьи в процессе принятия решений, отсутствие у судьи интереса к сторонам и стремления довести судебное разбирательство справедливо и без задержки». Здесь тоже не исключено субъективное правопонимание относительно разумных сомнений и т. п., но это лучше, чем отсылочная норма, содержащая к тому же довольно нечеткие формулировки.

И естественно, в России правоприменительная практика нередко считает нарушение судьей положений Кодекса судебской этики дисциплинарным проступком.

*Например, в решении Квалификационной коллегии судей Иркутской области от 28 апреля 2016 г. сказано: «Таким образом, судьей Бодайбинского городского суда Иркутской области... нарушены требования Кодекса судебской этики, в соответствии со ст. 6, 11, 14 которого судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалять авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи, должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании. Приведенными в представлении нарушениями Кодекса судебской этики судья Бодайбинского городского суда Иркутской области умалила авторитет судебной власти и причинила ущерб репутации судьи, то есть совершила дисциплинарный проступок<sup>37</sup>.*

В докладе Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации на семинаре-совещании с председателями квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации (25–26 мая 2017 г.) прозвучало:

*«Пример об обратном. Одна из ККС образовала комиссию для проверки жалобы гражданина о том, что сотрудниками ГИБДД задержан с признаками опьянения судья Л., который отказался от прохождения медосвидетельствования. Комиссия признала жалобу обоснованной, пришла к выводу о наличии в действиях судьи Л. признаков дисциплинарного проступка в связи с нарушением Кодекса судебской этики, а именно – правил поведения судьи во внесудебной деятельности<sup>38</sup>.*

<sup>37</sup> Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2017. № 4 (54). С. 17.

<sup>38</sup> Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Разумеется, редакцию ст. 12.1 Закона Российской Федерации о статусе судей следует серьезно откорректировать и привести ее в соответствие с изложенной выше позицией Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление № 3-П от 23 февраля 2008 г.). Острота этого вопроса усиливается в связи с конституционными нововведениями 2020 г. Одним из таких нововведений (по мнению автора данных строк – неоднозначным, поскольку им Совет Федерации наделяется функцией квазисудебного органа) является ч. 1 ст. 102 (где перечисляется, что относится к ведению Совета Федерации), дополненная п. «Л» следующего содержания: «Прекращение по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

А в ст. 14.1 Закона о статусе судей (введенной Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ) уточнены категории судей, полномочия которых прекращаются Советом Федерации. Это: Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации, судьи Верховного Суда Российской Федерации, председатели, заместители председателей и судьи кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам. И здесь же перечислены случаи, когда в отношении названных категорий судей Совет Федерации прекращает их полномочия. Это: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами.

Есть основания полагать, что «отделить» этический проступок судьи от дисциплинарного проступка судьи, как вообще всех судей, так и в отношении названных категорий судей, проще и надежнее членам Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, где две трети – судьи (высокопрофессиональные юристы), чем членам Совета Федерации. Может быть, именно поэтому Совет Федерации названными дополнительными правомочиями пока не воспользовался.

Но еще более значимой является проблема упорядочивания массива норм, этически регулирующего поведение людей в социальной сфере<sup>39</sup> и самым жестким образом закрепляющего принципиальную невозможность применения мер юридической (любого вида, но в первую голову – дисциплинарной) ответственности за совершение этического проступка. Выработка комплекса мер этической ответственности, как и всего комплекса норм, с этим связанных, – отдельная и крайне важная задача.

### **Список источников**

- Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Максимов Л. В. О систематизации этического знания // Философские науки. 1997. № 1. С. 64–77.
- Бакурова Н. Н. Этика судебного пристава // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 56–58.
- Вель Г. де и др. Этика судьи. Пособие для судей. М. : РАП, 2002. 211 с. ISBN: 5-93916-012-3.
- Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М. : Норма, 2009. 432 с. ISBN: 978-5-91768-033-0.
- Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2015. 176 с. ISBN: 978-5-16-011136-0.
- Глазырин Т. С., Козлов Т. А., Колосова Н. М. и др. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М. : Инфра-М, 2016. 224 с. ISBN: 978-5-16-012101-7.
- Гончаров В. В. Роль ответственности в формировании и функционировании государственного аппарата // Российский следователь. 2010. № 11. С. 28–31.

<sup>39</sup> В Европейском союзе создана и действует общеевропейская организация «Европейская сеть советов юстиции», учрежденная в 2004 г., которая уделяет значительное внимание вопросам установления единых базовых этических требований к судьям. Эта организация объединяет национальные учреждения в государствах – членах ЕС, которые не зависят от исполнительной и законодательной власти и отвечают за поддержку судебных органов в независимом управлении ими правосудия. См. подробнее: [Соловьев, А. А., 2015, с. 91].

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика: некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. 271 с.

Григорьева Е. А., Злобина Е. А. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» / под ред. С. Н. Братановского. 2011. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Грудцын Л. Ю. Кодекс этики членов Общественной палаты России // Адвокат. 2007. № 8. С. 75–79.

Гурова И. П., Махонько О. П. Международные стандарты этики учетных профессий // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2004. № 10.

Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право и не-право: юридическая природа, классификация и дифференциация // Российское правосудие. 2015. № 9 (113). С. 3–17. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.9.3.

Закомлисов А. Ф. Судебная этика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. 272 с. ISBN: 5-94201-078-1.

Иванцов М. Судейская этика. Саратов, 2008.

Ирхин Ю. В. Возрастающая роль этических кодексов государственной службы в управляемических парадигмах и практиках: сравнительный анализ // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Вып. 6. С. 95–99.

Капто А. С. Размышления над проблемами судебной этики // Юрист спешит на помощь. 2007. № 4. С. 28–33.

Ключникова Я. А. Профессиональная юридическая этика: теоретический аспект // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика : сб. науч. ст. М. : Экспо, 2008. С. 130–150. ISBN: 978-5-699-27461-1.

Кони А. Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. 3-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2008. 147 с. ISBN: 978-5-8323-0496-0.

Коновалов А. Судебная этика. М., 2009.

Коновалов В. Зачем организации этический кодекс? // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2006. № 7. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Крылова Е. Г. Профессионализм как основной принцип организации функционирования государственной службы // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3. С. 16–19.

Лопатина Т. М. Некоторые аспекты проблемы моральной ответственности компьютерных систем // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 12–13.

Мазуренко А. П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М. : Юрист, 2010. 392 с. ISBN: 978-5-91835-018-8.

- Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Изд-во СГУ, 2008. 550 с. ISBN: 978-5-8323-0473-1.
- Морхат П. М. К вопросу о взаимодополнении правового и нравственного содержания судей // Научные труды РАЮН. Вып. 7, т. 2. М. : Изд. группа «Юрист», 2007. С. 743–746.
- Назарова Е. В. Понятие ответственности как социального феномена // История государства и права. 2008. № 5. С. 12–15.
- Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под ред. А. Г. Кучерены. М. : Деловой Двор, 2009. 248 с. ISBN: 978-5-91-550060-9.
- Оболожский А. Н. Административная мораль на английском газоне (предисловие к публикации Морального кодекса гражданского служащего Великобритании) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1. С. 107–116.
- Окулич И. П. Актуальные проблемы юридической регламентации этических норм депутатской этики: различные мнения и подходы к решению // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 51–56.
- Пастернак С. Н. Особенности правового регулирования и принципы статуса судьи Конституционного трибунала Польской Республики // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 7. С. 12–16.
- Пашин С. А. Судейская этика. М. : Комплекс-Прогресс, 2001. 55 с. ISBN: 5-89342-027-6.
- Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М. : Ин-т философии РАН, 2009. С. 122–145.
- Соловьев А. А. Этические обязательства судей: европейский подход к регулированию // Законы России. 2015. № 3. С. 89–95.
- Ткачев В. Н. От Кодекса чести судьи к Кодексу судебской этики // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 68–70.
- Яковенко В. Судебная этика. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. 311 с.

### References

- Apresyan, R. G., Artem'eva, O. V., Maksimov, L. V., 1997. [On the systematization of ethical knowledge]. *Filosofskie nauki* = [Philosophical Sciences], 1, pp. 64–77. (In Russ.)
- Bakurova, N. N., 2015. [Ethics of a bailiff]. *Administrativnoe pravo i process* = [Administrative Law and Process], 7, pp. 56–58. (In Russ.)
- Ershov, V. V., 2015. International and Domestic Law and Not Law: Legal Nature, Classification and Differentiation. *Rossijskoe pravosudie* = [Russian Justice], 9, pp. 3–17. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.9.3.

- Glazyrin, T. S., Kozlov, T. L., Kolosova, N. M., et al., 2016. *Konflikt interesov na gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhbe, v deyatel'nosti organizatsiy: prichiny, predotvratshcheniye, uregulirovaniye* = [Conflicts of interest at the state and municipal service and in organizations: causes, prevention, management]. Scientific and practical guide. Ed. A. F. Nozdrachev. Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infra-M. 224 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-16-012101-7.
- Goncharov, V. V., 2010. [The role of responsibility in the formation and functioning of the state apparatus]. *Rossijskij sledovatel'* = [A Russian Investigator], 11, pp. 28–31. (In Russ.)
- Gorsky, G. F., Kokorev, L. D., Kotov, D. P., 1973. *Sudebnaya etika: Ne-kotoryye problemy nравствennykh nachal sovetskogo ugolovnogo protses-sa* = [Judicial ethics: Some problems of the moral principles of the Soviet criminal process]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University. 271 p. (In Russ.)
- Grigor'eva, E. A., Zlobina, E. A., 2011. *Postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 30 maya 2001 g. № 70-FZ "Ob arbitrazhnyh zasedate-lyah arbitrazhnyh sudov sub"ektov Rossijskoj Federacii"* = [Article-by-article commentary to Federal Law No. 70-FZ of May 30, 2001 “On Arbitration Assessors of Arbitration courts of the subjects of the Russian Federation”]. Ed. S. N. Bratanovsky. Available from reference legal system “Garant”. (In Russ.)
- Grudtsyn, L. Yu., 2007. [Code of Ethics of members of the Public Chamber of Russia]. *Advokat* = [Lawyer], 8, pp. 75–79. (In Russ.)
- Gurova, I. P., Makhon'ko, O. P., 2004. [International standards of ethics of accounting professions]. *Finansovye i buhgalterskie konsul'tacii* = [Financial and Accounting Consultations], 10. (In Russ.)
- Irkhin, Yu. V., 2011. [The increasing role of ethical codes of public service in managerial paradigms and practices: comparative analysis]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* = [Problem Analysis and State-Management Design], 6, pp. 95–99. (In Russ.)
- Ivantsov, M., 2008. *Sudejskaya etika* = [Judicial ethics]. Saratov. (In Russ.)
- Kapto, A. S., 2007. [Reflections on the problems of judicial ethics]. *Yurist speshit na pomoshch'* = [Lawyer Rushes to the Rescue], 4, pp. 28–33. (In Russ.)
- Klyuchnikova, Ya. A., 2008. [Professional legal ethics: theoretical aspect]. *Moral' i dogma yurista: professional'naya yuridicheskaya etika* = [Morality and dogma of a lawyer: professional legal ethics]. Collection of scientific articles. Moscow: Ekspo. Pp. 130–150. (In Russ.) ISBN: 978-5-699-27461-1.
- Koni, A. F., 2008. *Ugolovnyj process: nравstvennye nachala* = [Criminal process: moral principles]. 3rd ed. Moscow: Modern Humanitarian University Publishing House. 147 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8323-0496-0.

- Konovalov, A., 2009. *Sudebnaya etika* = [Judicial ethics]. Moscow. (In Russ.)
- Konovalov, V., 2006. [Why does an organization need an ethical code?]. *Kadrovyi Kadrovyyj menedzhment* = [HR Officer. HR Management], 7. (In Russ.)
- Krylova, E. G., 2007. [Professionalism as the basic principle of the organization of the functioning of the civil service]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* = [Arbitration and Civil Procedure], 3, pp. 16–19. (In Russ.)
- Kucherena, A. G., ed., 2009. *Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ "Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii"* = [Scientific and Practical commentary on Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 “On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation”]. Moscow: Delovoy Dvor. 248 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91-550060-9.
- Lopatina, T. M., 2005. [Some aspects of the problem of moral responsibility of computer systems]. *Pravovye voprosy svyazi* = [Legal Issues of Communication], 1, pp. 12–13. (In Russ.)
- Mal'tsev, G. V., 2008. *Nравственные основания права* = [Moral foundations of law]. Moscow: Modern Humanitarian University Publishing House. 550 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8323-0473-1.
- Morkhat, P. M., 2007. [On the issue of complementarity of the legal and moral content of judges]. *Nauchnye trudy RAYuN* = [Scientific works of Russian Academy of Legal Sciences]. Issue 7, vol. 2. Moscow: Publishing House of the group “Yurist”. (In Russ.)
- Mazurenko, A. P., 2010. *Rossijskaya pravotvorcheskaya politika: konceptiya i real'nost'* = [Russian law-making policy: concept and reality]. Moscow: Lawyer. 392 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91835-018-8.
- Nazarova, E. V., 2008. [The concept of responsibility as a social phenomenon]. *Istoriya gosudarstva i prava* = [History of the State and Law], 5, pp. 12–15. (In Russ.)
- Obolozhsky, A. N., 2007. [Administrative morality on the English lawn (preface to the publication of the Moral Code of the Civil servant of Great Britain)]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* = [Questions of State and Municipal Administration], 1, pp. 107–116. (In Russ.)
- Okulich, I. P., 2010. [Actual problems of legal regulation of ethical norms of deputy ethics: various opinions and approaches to the solution]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* = [Constitutional and Municipal Law], 3, pp. 51–56. (In Russ.)
- Pashin, S. A., 2001. *Sudejskaya etika* = [Judicial ethics]. Moscow: Kompleks-Progress. 55 p. (In Russ.) ISBN: 5-89342-027-6.
- Pasternak, S. N., 2006. [Peculiarities of legal regulation and principles of the status of a judge of the Constitutional Tribunal of the Polish Republic]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = [State Power and Local Self-Government], 7, pp. 12–16. (In Russ.)

- Prokof'ev, A. V., 2009. [The choice in favor of lesser evil and the problem of the boundaries of the morally permissible]. *Eticheskaya mysl'* = [Ethical thought]. Issue 9. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Pp. 122–145. (In Russ.)
- Solov'ev, A. A., 2015. [Ethical obligations of judges: a European approach to regulation]. *Zakony Rossii* = [Laws of Russia], 3, pp. 89–95. (In Russ.)
- Tkachev, V. N., 2003. [From the Code of Honor of a judge to the Code of Judicial Ethics]. *Rossiiskaya yusticiya* = [Russian Justice], 4, pp. 68–70. (In Russ.)
- Ville, G. de, et al., 2002. *Etika sud'i. Posobie dlya sudej* = [Ethics of the judge. Manual for judge]. Moscow: Russian Academy of Justice. 211 p. (In Russ.) ISBN: 5-93916-012-3.
- Vitruk, N. V., 2009. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* = [General theory of legal responsibility]. 2nd ed. Moscow: Norma. 432 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-033-0.
- Vlasenko, N. A., 2015. *Problemy pravovoj neopredelennosti* = [Problems of legal uncertainty]. Course of lectures. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation; Infra-M. 176 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-16-011136-0.
- Yakovenko, V., 2008. *Sudebnaya etika* = [Judicial ethics]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University. 311 p. (In Russ.)
- Zakomlistov, A. F., 2009. *Sudebnaya etika* = [Judicial ethics]. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press. 256 p. (In Russ.) ISBN: 5-94201-078-1.

### Информация об авторе / Information about the author

**Клеандров Михаил Иванович**, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10).

**Mikhail I. Kleandrov**, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 14.09.2023; дата одобрения после рецензирования: 10.10.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 12.10.2023.

Submitted: 14.09.2023; reviewed: 10.10.2023; revised: 12.10.2023.